

О НЕКОТОРЫХ КОНСТАНТНЫХ СТРУКТУРАХ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ САХА

Предлагается анализ ключевых аксиологических и нормативных принципов религиозной культуры саха с использованием лингвокультурологического подхода. Осознание человеком своей изначальной чистоты и свободы, творческое предназначение человека рассматриваются в качестве когнитивной и аксиологической основы религиозной культуры саха, нормативным аспектом является осознание долга сохранения чистоты, запрета прикосновения к грязи, запрета совершения греха.

Ключевые слова:

«душа культуры», концепты культуры, лингвокультурологический подход, олонхо, религиозная культура, Саха, творчество

Одно из продуктивных направлений в исследовании религиозной культуры основано на культурологическом анализе, позволяющем за внешним материализованным проявлением феномена культуры, к примеру, религиозного ритуала, видеть его скрытый смысл, его логику [11; 13]. Лингвокультурологические исследования открывают новые возможности проникновения в смысловую сферу культуры. В отечественной науке известны успехи московских лингвокультурологических школ конца XX в.: описание констант культуры в их диахроническом аспекте (Ю.С. Степанов); исследование универсальных терминов культуры с позиций внешнего наблюдателя (Н.Д. Арутюнова); лингвокультурологический анализ фразеологизмов и языковых сущностей с позиций рефлексии носителя живого языка (В.Н. Телия); развитие концепции Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова об осуществлении связи языка с национальной культурой в виде национально-культурного компонента, о безэквивалентных языковых единицах, обозначающих специфические для данной культуры явления (В.В. Воробьев, В.М. Шаклеин) [3].

Сравнительное (или компаративное) изучение религий не исключает использования оценочных критериев в отношении прочих религий. В вопросах о происхождении культуры и религии, культуры и языка, культуры и этноса в науке нет однозначного подхода. Так, к примеру, идеи о южном, восточном или ином происхождении якутов-саха, о «новой» родине якутов под названием Саха сирэ (Якутия) предопределенно уведят исследователей от объективных исследований об этногенезе саха и религиозной культуры, а также от установления конкретных константных

структур системы культуры этноса [2; 4; 6; 14]. Анализ данных трудов показывает, что в исследованиях, посвященных культуре саха, в том числе религиозной культуре, лингвокультурологические методы еще не применялись. Между тем существующие научные представления о религиозных воззрениях саха в силу уподобления другим религиям, в частности тенгрианству, представляются упрощенными. Целью статьи является анализ ключевых аксиологических и нормативных принципов религиозной культуры саха с использованием лингвокультурологического подхода.

Основным текстом культуры для лингвокультурологического анализа религиозных представлений служит текст эпоса-олонхо. В республике Саха в конце XX – начале XXI вв. происходит своего рода ренессанс олонхо: активизировалась практика сказительства – сказывают не только старики-олонхосуты, но и дети, и молодежь, также отмечается культурная потребность населения в слушании и чтении олонхо. Есть субъекты-носители данного культурного элемента (олонхо), есть методы создания, использования, сохранения и передачи традиции сказительства – феномен олонхо жив. Автор имеет опыт личного участия в этом культуротворческом процессе. Осмыслим языковые сущности лингвосферы саха, касающиеся предмета нашего разговора.

В тексте эпоса-олонхо рассказывается о сотворенности человека и природы, об изначальной связи человека с Творцами-Айыы, с творящими силами, творящей энергией Космоса (Ага халлаан айар кююстэрэ). Во всех олонхо говорится об акте со-творения = айыллы в специально выделяемом фрагменте-олук текста – айыллы туһунан олук. К примеру, в олонхо

Абыс иилээх-сабалаах,
Алта киспэлээх
Аан ийэ дайды диэн
Ананан айыллан,
Орто туруу дьабыл дойду диэн
Оҥоһуллубута үһү...

*Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах –
Зародилась она,
Появилась она –
В незапамятные времена –
Изначальная Мать-Земля...
[7; песнь первая]*

Особо отметим, что в переводе В. Державина слова «ананан айыллан» и «оҥоһуллубута» даются как «зародилась» и «появилась», тогда как «ананан айыллан» означает «специально сотворена», а «оҥоһуллубута» – это значит «сделана», «смастерена» в смысле того же творения.

Человек призван сохранять, поддерживать, использовать и передавать последующим поколениям живую ощущаемую связь – «күнтэн быа, ыйтан быа». «Быа» – по-якутски веревка, а в переносном смысле – энергетическая, а также родовая связь. Про себя якуты говорят, что они являются кровными родственниками Творцам Айыы. И поныне жив фразеологизм, хранящий эту связь: «Көхсүттэн тэһииннээх (көнтөстөөх) күн өркөн уустара, арбаһыттан тэһииннээх айыы хаан аймахтара». Содержательным элементом в этом отношении служит «тэһиин» или «көнтөс» – поводья (тоже «быа») для управления лошастью. Якуты таким образом мысленно уподобляют себя лошади, потому что считают себя непосредственными родственником божества конного скота Дьөһөгөй Айыы. Средство же родовой и энергетической связи человека с Творцами Айыы есть слово благословения – алгыс тыла, псалтырь – быһа алтыһар тыл.

Б.Н. Попов, хотя утверждает, что у якутов религии в традиционном, общепринятом смысле нет, а есть анималистические верования, тут же признает «наличие духовной связи человека и Абсолюта (Тангара), которая может пониматься:

а) как первоначально непосредственная, впоследствии прерванная христианизацией и проработкой сознания масс коммунистической идеологией, и подлежащая сегодня восстановлению;

б) как ориентация на достижение определенного человеческого идеала, соответствующего стихии родной природы;

в) как подлежащая постоянно воспроизведению, как в разные периоды жизни индивида, так и в целом ряду поколений людей» [10, с. 111].

Мы различаем три понятия: религия – системное канонизированное учение; верование – культурное явление, процесс, связанный с признанием существования сверхъестественного, потустороннего; вера – духовное состояние человека, приводящее к убеждению в прямой духовной связи с объектом веры – в данном случае с Творцами (Айыы). Это наше различие основано на научных определениях религии, верования и веры. «Практически религия является специфической системой или набором систем, в которых учения, мифы, ритуалы, чувства, институты и прочие элементы связаны между собой» [5, с. 31]. «Вера – форма проявления духовной жизни, особое состояние сознания, жизненная позиция, принцип мировоззрения. Вера может быть бессознательной уверенностью в чем-либо, безотчетным доверием, необъяснимой верностью. Теологи не могут неопровержимо обосновать существование Бога-творца, поэтому иррациональной по сути является религиозная вера» [8].

Также можно по характеру центрирующей силы динамического процесса религиозной культуры выделить три типа религий: космоцентрические религии – в них центрирующей силой творения выступают творческие силы Космоса; социоцентрические – творческие силы социальных образований; эгоцентрические – соответственно, творческие силы (Эго) конкретных личностей.

Память, знание, истина об изначальной чистоте (ыраас) со-творенного и предназначенного на творение человека – Айыы киһитэ, дитя природы – Айылжа обото – в противоположность идее грехопадения, первородной греховности человека в эгоцентрических религиях (например, в христианстве) является когнитивной основой религиозной веры не только саха, но и всех северных народов, которые в своей основе космоцентричны. Долг, призвание человека в религии саха – сохранение этой первоначальной чистоты, неприкосновенности к грязи – киргэ сыстыбат, киртийбэт, ыраас сылдыар, ырааскын сүтэрбэт туһа. Грех – «аныы», саха строжайше учит детей оберегаться от этого аныы с малолетства.

Главный запрет «Аньыы!» – неприкосновенность к грязи, к греху. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что аньыы – это не первородный грех, а запрет на прикосновение к грязи-кир. Это основной норматив религиозной культуры саха. Как видно, запрет по своей логике двухступенчатый – чтобы не совершить грех, человек не должен прикасаться к «кир» – грязи, и сохранять в первозданности свою чистоту «ыраас». Грязными считаются даже мысли – чтобы не совершать нечистых поступков, нельзя и допускать грязных мыслей, грязных помыслов. Система запретов относительно грязи-кир имеет трехступенчатую логику: не иметь грязных мыслей, не говорить грязных слов и не совершать грязных поступков. Злословие тождественно совершению грязного поступка, греха. У саха есть примета – если человек злословит, значит с ним случится то, что произнесено. Поэтому-то и запрещается даже думать про грязное. Слову придается огромное значение, строго запрещается говорить про аньыы: «Аньыыны санарыма!». К аньыы-греху относится покушение на свободу, на жизнь, на будущее человека и всего живого.

Сохранению изначальной чистоты человека способствует эстетическая и аксиологическая семантика понятия «ыраас». «Ыраас» всегда ассоциируется с понятием прекрасного «кэрэ» и светлого (света) – «сырдык». Ыраас-кэрэ-сырдык всегда сопутствуют друг другу, и в совокупности означают счастье, исполнение святого предназначения человека-айыы. Одновременно «ыраас-кэрэ-сырдык» есть один из главных концептов религиозной культуры саха.

Во многих религиях и культурах центральным является идея очищения души от первородного греха, идея спасения души, восстановления утраченной невинности, поиска и нахождения пути к новой, вечной жизни [12; 14]. А в религиозной культуре саха центральной идеей выступает идея сохранения первородной чистоты, целостности триединой энергетической сути человека «чол кут-сүр», а также идея претворения в жизнь высшего предназначения человека быть творцом («айар ана»), творческой личностью («айыы киһитэ»), свободной творческой личностью («көнүл айыы киһитэ»). Оберегание и очищение от кир возможно только путем особого ритуала Арчы, расплате за совершенный грех подвергается весь род согрешившего в течении жизни определенного

количества поколений – искупления греха иным путем в культуре саха нет. Таковы нравственные нормы религиозного учения саха.

Смысловое содержание слов при переводе на другой язык неизбежно что-то утрачивает. Смыслы одной культуры не могут быть полностью переведены на языки иных культур (по известной гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа). Оппозиции «ыраас-кир» (чистота-грязь), «айыы-аньыы» (творчество-грех), «ыраас-буруй» (невинность-виновность) с якутского на русский переводятся только приблизительно. При определенных обстоятельствах, видимо, место «ыраас» в ментальности народа может занять «кир», а затем понятие «кир» сменяется более сильным по воздействию понятием «аньыы» – грех. Возможно, так и произошло возникновение эгоцентрических религий мира.

В культуре саха имеется категория с особым смыслом – «Кут», которое обычно переводят как «душа», начиная с первых исследователей, в том числе А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского. Этот перевод теряет многое в смысловом отношении [6; 9]. Слово «Кут» подразумевает наличие, данность, а в повелительном наклонении имеет смысл «вложи, влей». Отсюда мы предполагаем, что «Кут» имеет два смысла: первое, означает изначальную данность, природный дар; второе указывает на потребности человека. В этом заключается природная дуальность концепта «Кут».

По сути своей «Кут» триедин – человек имеет «Ийэ кут», «Буор кут» и «Салгын кут». Соответственно, потребности человека также тройственны: потребности «Буор кут» – это витальные, биологические потребности; «Ийэ кут» – культурные, духовные потребности; «Салгын кут» – социальные, интегративные. Получается, что в языке саха исчерпывающе описывается три класса потребностей человека, описанных и классифицированных методами структурно-функционального анализа культуры (Б.К. Малиновский, А. Радклиф-Браун).

Дуальное содержание «Кут» как данности и как потребности воплощает два важнейших принципа религиозной культуры: наличие изначальной, природной чистоты человека и задачи человека сохранить эту чистоту. Относительно «Кут» смысл чистоты может быть понят как необходимость сохранить целостность («чол») триединства «Кут». Человек осознает свою из-

начальную чистоту опосредованно – через привычное, настойчивое, закреплённое в социальном порядке, а затем осознанное, добровольное, личное стремление не прикасаться к грязи и не совершать грех.

Смысл «Кут», если принять такой перевод слова как «душа», позволительно сравнить со шпенглеровской «душой культуры». О. Шпенглер не даёт определения этому понятию, но имеет в виду некую изначальную данность, суть социокультурного организма [17]. Причём для Шпенглера «душа культуры» – не вполне метафора, хотя и нечто таинственное, непосредственно не данное. В языке саха «кут» и есть то, что пронизывает весь социум, придаёт ему уникальность, присутствует и на коллективном, и на индивидуальном уровне.

Высоту нравственных поучений религиозной морали культуры саха наука ещё оценит, что уже начато учеными-этнопедагогами саха [11]. Все признаки сформировавшейся религии в самобытном вероучении саха наличествуют, но в иной, чем у других религий, формах.

То, что народ саха из глубины веков, преодолевая все тяготы жизни, дошел до нынешних дней («өлө-өлө тиллэн, тимирэ-тимирэ күөрэйэн, быста-быста салбанан саха ураанхай баччаба тийэн кэлбитэ») – можно считать свидетельством прочности многих факторов, и в том числе

религиозных верований. На них возлагается надежда выживания этноса в будущем – на космоцентрическую религиозную веру в родственное единство со всем родом сотворенных, людьми Солнечного племени «айыы дьоно, айыы хаан аймахтара, күн өркөн уустара, күн улууһун дьоно».

Итак, обращение к смысловому содержанию лингвокультуры саха позволяет нам утверждать, что основой религиозных воззрений саха является осознание человеком своей неразрывной связи с Творцами-Айыы посредством «быа», осуществляемого с помощью языка «тыл» способом «быһа алтыһыы», своей изначальной чистоты – «ыраас», свободы – «көнүл» и предназначения человека на свободное творчество – «көнүл айыы». Важнейший концепт религиозной культуры саха – «Ыраас» – понятие одновременно эстетическое и аксиологическое. Долг и потребность человека в сохранении чистоты (ыраас), добровольное принятие запрета на прикосновение к грязи (кир), запрета на совершение греха (аныы) являются основными нормативными регуляторами религиозной культуры саха. Проанализированные представления можно считать константными, устойчивыми структурами религиозных воззрений саха, сохранёнными до сегодняшнего дня и успешно функционирующими в религиозном сознании человека саха.

Список литературы:

1. Андреев. Д. Роза мира. – М.: «Мир Урании», 2001. – 608 с.
2. Беренс. Б. Вселенная духа. История и философия эзотеризма в лицах. Древние цивилизации. – М., 2001. – 196 с.
3. Бравина. Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
5. Всемирная энциклопедия: Религия / Гл. науч. ред. В.М. Адамчик. – Мн.: Современный литератор, 2004. – 832 с.
6. Кулаковский, А. Е. Научные труды. – Якутск, 1979. – С. 7–97.
7. Нюргун Боотур Стремительный: Якут. героич. эпос олонхо / Пер. В.Державина; послесл. и коммент. И. В. Пухова; ил. Э. Сивцева и др. – 2-е изд. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 431 с.
8. Краткий философский словарь / Алексеев А.П., Васильев Г.Г. и др. – М.: Проспект, 1998. – 431 с.
9. Ойуунускай П.А. Якутский язык и пути его развития // Талыллыбыт айымньылар. 3 том. – Дьокуускай: Бичик, 1993. – С. 28–122.
10. Попов Б.Н. Особенности философского знания. – Якутск, 2001. – 168 с.
11. Портнягин, И. С. Этнопедагогика Кут-Сюр. – М., 1999. – 320 с.
12. Пушкина Ю.Б. История мировых религий. – М., 2005. – 278 с.
13. Романов А.Н. В помощь религии и науке. – М.; 1999. – 151 с.
14. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.
15. Скворцов Л.В. Эзотерическое знание и символы культуры // Культурология. Дайджест, 2003. – № 2 (25). – С. 193–212.
16. Уткин К.Д. Религиозные и философские воззрения коренных народов Якутии. – Якутск: Бичик, 2000. – 224 с.
17. Шпенглер, О. Закат Европы: Образ и действительность. Т. 1. Глобальные проблемы человечества. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 592 с.